

ШЫД-НЯНЬ — КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ

УДК 392.81(=511.131)

ББК 63.5(2Рос.Удм)

Пищевая символика в удмуртском фольклоре

Татьяна Григорьевна Владыкина

(Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН:
Российская Федерация, 426067, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34)

Аннотация. Фольклор удмуртов содержит весьма значимый по богатству символики напиток и еды материал. Удмуртский язык и обрядовые традиции до сегодняшнего дня сохранили архаические представления о магической связи праздничной культуры и ритуальных напитков/еды (**юондыр** — время питья/пиршества). Показательно присутствие в названиях праздников, знаменующих календарно важные периоды зимнего (**Вожо-дыр** — зимние Святки) и летнего (**Инвожо** — летние Святки) солнцестояния, номинации хмельного напитка **сур** (пиво): **Толсур** — зимнее пиво / зимний праздник; **Куарсур** — листовое пиво / летний праздник. Компонент «пиво» в значении «праздник», под влиянием старообрядческой культуры исторически замененный на другой хмельной напиток — брагу, сохранен и в названии осенних молодежных посиделок на севере Удмуртии — **ныл-брага́** (девичья брага / девичий праздник). Здесь же зафиксирован термин **шылд-сион** (поедание супа / угощение супом) как понятие ритуальной трапезы в виде отдельной составляющей всего обрядового комплекса в контексте календарных и семейных обрядов.

Символика напитков и еды, представление о празднике как о сакральной ситуации более всего проявлены в застольных гостевых песнях, звучащих во время обхода домов родственников. Песни исполнялись на соответствующий обряду знаковый напев и были способом и средством выражения чувств участников обряда: пиетета перед богами, благодарности и любви к родственникам. С символикой образов напитков и еды в ритуальных гостевых песнях перекликаются устойчивые образы заклинаний-молитв — **куриськон’ов**.

Древнейший пласт образов восходит к простейшему комплексу понятий «питья» и «еды» (**сиён-юон/шылд-нянь** — еда-питие/суп-хлеб) и соотносен не только с удовлетворением физиологических потребностей — жажды и голода, но также представляет собой символ духовного благополучия. Со временем эти понятия обогащаются смыслами оттенками «угощения»/яств и становятся символами «радости», «удовольствия», «праздника», «пиршества», «общения» с богами, близкими, единокровными людьми — родственниками (ср. рус. «хлеб-соль»).

Ключевые слова: праздничная культура удмуртов, гостевой этикет, праздник-пиршество, символика напитков, символика еды, гостевые песни, молитвенные заклинания.

Дата поступления статьи: 6 августа 2020 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

Для цитирования: Владыкина Т. Г. Пищевая символика в удмуртском фольклоре // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 3. С. 132–140.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.011>

Гастрософия как наука, выделенная сегодня в отдельное направление в кругу исторических дисциплин, предполагает использование разного рода подходов и источников [Павловская 2015, 35–39; Кабицкая, Кабицкий 2015]. Описание пищи и напитков удмуртов как материальных объектов уже представлено в подробных обзорах этнографов [Трофимова 1989; 1991; 1993]. В последнее время в этой области наблюдается большой интерес к символике образов [Владыкина 2019] и терминологическим разысканиям [Кельмаков 2019].

Символика напитков и еды — отдельный аспект праздничной культуры и гостевого этикета любого народа [Традиционное русское застолье 2008, 148–200]. До последнего времени представления удмуртов о празднике были связаны с понятием *юндыр/юон/дюон/юмиан* (букв.: время питья <ритуального напитка>), которое включало в себя несколько значений: 1) пир/пиршество; 2) праздник / праздничное гулянье.

Восприятие удмуртами праздника как пиршества, таким образом, типологически сходно с представлениями других народов о делении времени на профанное и сакральное, будничное и праздничное. Удмуртский язык и обрядовые традиции сохранили архаические представления о магической связи праздничной культуры и ритуальных напитков, еды. Именно календарные обряды были символом завершения трудоемких процессов по производству крестьянином-земледельцем основного продукта — хлеба и превращали отдых по этому случаю в праздник: *Акашка-юон/дюон/зюон* (букв.: питье/пиршество/празднество <в честь> первой борозды); *Гершид-юон* (питье/пиршество/празднество <в честь> окончания весенних полевых работ) и т.д.

К числу главных календарных праздников относились также *Вожо-юон/Толсур/Рошво* (зимние Святки) и *Куарсур/Гербер/Гужем-юон/Петыров-юон* (Петров день), соотнесенные с рубежами полугодий: осенне-зимнего (*вождыр/уйвожо*) и весенне-летнего (*инвожо-дыр/инвожо*), которые воспринимались как равновеликие и равнозначные, существующие как цельность только в паре (*налар* — полгода, «непарный год») [Владыкина, Глухова 2011, 106; 2013, 111]. В этих названиях календарных

праздников сохранились представления не только о питии как таковом, но и о конкретном хмельном напитке — пиве, значимом для совершения обряда: *Толсур* (букв.: зимнее пиво) в значении «зимний праздник» (≈ Рождество); *Куарсур* (букв.: листовое пиво) в значении «летний праздник» (≈ Троица / Петров день).

У северных удмуртов бытовали устойчивые термины для обозначения осенних молодежных посиделок: *ныл-брага́* (букв.: девичья брага) в значении «девичий праздник» и окончания осенних полевых работ: *колхоз-брага́* (букв.: колхозная брага) в значении «колхозный праздник». Очевидно, что термином *брага* был заменен (по-видимому, не без влияния старообрядческой культуры) прежний термин: *ныл сур / нылсур* (девичье пиво) > *ныл-брага* (девичья брага) = «осенний праздник» (осенние молодежные посиделки). Аналогичны удмуртскому празднику обряды народов Поволжья и Урала (марийцев, чувашей, мордвы, коми), главным символом которых было пиво [Владыкина, Глухова 2011, 148–149] (ср. также традицию осенних братчин русских на территории Европейского Севера [Терновская, Толстой 1995]).

В круг обозначений эпизодов ритуальной трапезы у северных удмуртов входит особое понятие *шыд-сион* (букв.: поедание супа / угощение супом). Так, в ритуальном сценарии было выделено домашнее застолье, когда праздник перемещался из мест общинных молений в деревню, и главы семей, исполняя роли жрецов низшего ранга (*ночи-ноп*), ходили из дома в дом и молились перед семейной трапезой, освящая блюда и испрашивая счастья и довольствия у богов [Первухин 1888, 53 и др.]. В отдельных локальных традициях это понятие сохранено до сих пор как приглашение в гости по какому-либо случаю, даже на поминальный обед: *шыд сиыны лыктэ* (приходите на суп = угощение) (Зап. от Г.Н. Морозовой, 1951 г.р. (урож. д. Сураново, Шарканский р-н), д. Якшур, Завьяловский р-н, УР. Соб. автор) [ПМ 2018].

Одной из основных составляющих любого календарного праздника было обрядовое застолье в кругу родственников (*бöляк, иськавын-бöляк*) с обходом домов и исполнением в каждом из них песен на знаковый для конкретного праздника напев: *Акашка гур / Акашка сям* (напев

<обряд> Акашка), *Паска вось нерге гур* (напев моления-гостевания на Пасху), *Гершыд гур* (напев <обряд> Гершыд), *вось нерге гур*; *вашкала / пересь гур* (напев <календарного> моления / старинный напев) [Чуракова 1990; Бойкова, Владыкина 1992; Нуриева 1995; Нуриева 1999; Чуракова 1999; Нуриева 2000; Вершинина, Владыкина 2014].

Песни своеобразно «обосновывали» ситуацию трапезы и раскрывали причину застольного пения:

*Арсын но лыктэм Акашкамы,
Кырзаса дюныны туж кулэ.
Пёсьтоно путо мед ик пёсьтоз,
Орчонтэм даур лусал ке!*
(Раз в год да приходит Акашка,
Петь на празднике очень нужно.
Кушак — он пусть износится,
Если бы жизни время не кончалось!)¹
[Munkácsi 1887, 274, № 173].

*«Чык-чык» но кароз учыед
Куаредлэн потон вакытаз.
«Гур-гур» но кароз воргоронъёсыд
Суредлэн потоз вакытаз*
(«Чык-чык» да пропоет соловушка
В пору появления листьев.
«Гур-гур» да пропоют мужчины
В пору появления пива (когда им вынесут пива))
[Wichmann 1893, № 406].

*Ай, пужым шаула, пужым шаула.
Пужым уг шаула, лыс шаула.
Ай, ми гурласьком, ми гурласьком.
Ми ум гурлаське, шыд гурла*
(Ай, сосна <от ветра> шумит, сосна шумит.
Не сосна шумит, сосновые иглы шумят.
Ай, мы поем, мы напеваем.
Не мы поем, угощение (букв.: суп)
поет-напекает)
[Там же, № 232].

*Тодьы Кам дурад тодьы чөждэ
Чабей куртчоз но ву дюоз.
Татсы лыктэм куноед
Кырызятэк сурез ук дью*
(У Белой Камы белая утка
Пшеницы поест и водой запьет.
Сюда приехавшие гости
Без песен пива не будут пить)
[Munkácsi 1952, 362, № 204].

*Милям вальёсмы кельыт кашка,
Шолатэк вуэз уг дюы.
Ми доре лыктэм куноес
Кырызятэк арак ук дюы*
(Наши лошади буланые со звездочкой во лбу
Без посылывания <хозяина> не пьют.
К нам приехавшие гости
Без песен вина не пьют)
[Там же, 369, № 225].

Особенность обрядовых песен уже была подчеркнута фольклористами и этномузыковедами: «Композицию песни организует не сюжет, а комбинация мотивов, ядром которых оказываются символы, с помощью которых человеком осознается сакральная ситуация в форме календарного обряда» [Владыкина 1998, 90]. Именно гостевые песни календарных обрядов оказались основным источником, сохранившим символику напитков и еды в традиционной культуре удмуртов.

В числе главных мотивов ритуальных песен — мотив констатации праздника в виде обязательного застолья в каждом доме [Там же, 91–98]. Призывы к совместной трапезе осуществляются с помощью устойчивой формулы *сиыны-юыны* (есть-пить) в смысле «вкушать ритуальные блюда и пить ритуальные напитки (= праздновать)».

*Арлы огиол лыктэ Бьдзым нунал праздник,
Вай сиёме-юоме...*
(Раз в год приходит к нам праздник
Великий день (= Пасха),
Давайте **есть-пить...**)
[Владыкин, Перевозчикова 1990, № 8].

В сознании участников обрядового застолья при этом устойчива мысль о значимости ситуации, о ее неразрывной связи с проведенным накануне молением во славу богов:

*Осто гинэ Инмаре но, Бадзым Инмаре,
Ми, тонэ сілы карыса, сииськом-юиськом-
вёсяськиськом*
(Господи Боже да, Великий Боже,
Мы, тебя почитая, **едим-пьём-молимся**)
[Там же, № 8].

Участие деревенской общины в обрядовом гостевании было связано

¹ Здесь и далее перевод наш. — Т. В.

с поочередным посещением домов родственников. В самом начале устроители праздника или поминок заходили к старейшине рода. Двигались по деревне, при этом ориентируясь по течению реки, т.е. с учетом «верха» и «низа»: в дни календарных праздников шли «против течения» (*шур вылланы ветлыны*), в поминальные дни — «по течению» (*шур улланы ветлыны*) [Владыкина, Глухова 2011, 144–145]. «Освящая» знаковым напевом каждый дом, участники «обрядового пути» пользовались случаем для высказывания уважения к своим родственникам, возможностью показать свои чувства, которые обычно спрятаны за внешним спокойствием и бытовой эмоциональной скупостью:

Ай, чаль сиом, ай, чаль юом!

Та дунневын песок кылёз.

Огмес огмы кадырлам ке,

Солэсэ жеч уг ло номыр но.

Улом валче, вылом валче,

Огмес огмы ум куштиське.

Тонэныд монэ туган шуса,

Культозямы ум куштиське!

(Ай, давайте поедем, ай, давайте выпьем!

В этом мире <только> песок <от нас>

останется.

Друг друга если почтим-уважим,

С этим ничего не сравнится (выше этого

нет ничего).

Вместе жить будем, вместе поживать будем,

Не оставим друг друга никогда.

Ты и я (мы с тобой) — родня,

До смерти не разлучимся!)

[Munkácsi 1887, 280, № 188].

Киннёс лыктйллям? Жеч куноёс.

Мар выллем лыктйллям куноёс?

Малы лыктйллям куноёс?

Сиом-а шуса, юом-а шуса лыктйллям?

Маке кынарын уань, сектасько-сюдйсько.

Ялка! Эн жожке, аяме но гинэ йэ.

Жутэс бурдыныз, аямы кужмыныз.

Сектасько-сюдйсько, эн жожке!

(Кто же приехал? Добрые гости.

Как же приехали-прибыли гости?

Зачем же приехали гости?

Поесть ли захотели, выпить ли захотели?

Как я могу (как у меня получается), так

и пою-кормлю (угощаю).

Придите-ка! Не обижайтесь, да ведь йэ.

Ястреб крыльями <силен>, человек — мощью.

Пою-кормлю (угощаю), не обижайтесь!)

[Wichmann 1893, 90, № 427].

Праздничное застолье, прежде всего, ассоциируется с хмельными напитками (пивом, вином):

Милемлы винадэс сётыса улэлэ,

Милям гинэ сюлэмамы мед шудоз.

(Нам вы вина подайте,

Чтобы в наших сердцах оно зазвучало)

[Владыкин, Перевозчикова 1990, № 4].

Коркадэс вольыт, ой, миськелэ:

Мед шудоз сурен, ой, араки.

(Избы ваши чисто вымойте:

Пусть играют в них пиво с вином)

[Чуракова 1990, № 3].

Инмар сётэм винадэс эн жаллялэ.

Биштопен но жыныен

Винадэс юом!

Шальккеэн но жыныен

Сурдэс юом!

(**Богом данного вина не жалеите** <для нас>.

Штоф и <еще> половину

Вина вашего выпьем!

Жбан и <еще> половину

Пива вашего выпьем!

[Munkácsi 1887, 280–281, № 189].

Ой, кызо тэль, векчи тэль.

Кызо тэль өвёл, бадяр тэль.

Бадяр сюмыкад чеськыт арак,

Гажаськодй ке — юэлэ!

(Ой, еловый лес, мелкий лес.

Не еловый лес, кленовый лес.

В кленовом сосуде (чаше) **вкусное вино,**

Если уважаете — выпейте)

[Wichmann 1893, 37, № 205].

Ой, жэужыт но гурезь йылын

Узыед но, борыед но кисьмалоз,

Шундылэн но пёсезлы чидатэк.

Ми бон кытын кисьмалом?

Жеч муртлэн жёк сьбраз кисьмалом

(Ой, на вершине высокой горы

И земляника, и клубника **поспевает-**

подрумянивается,

Не выдержав солнца да жары.

А мы где же поспеем-подрумянимся?

За столом добрых людей

захмелеем-подрумянимся)

[Munkácsi 1952, 417, № 318].

В песнях встречаются упоминания разных напитков: *сур* (пиво), *мусыр/мусур* (медовое пиво / медовуха), *арак* (самогон), *кабак* (водка). Термин *винá* (вино)

употребляется как хмельной напиток вообще. Интересен пример образа *шербета*: в традиции завятских удмуртов он употреблялся, по-видимому, для обозначения славословия / «сладости речей» гостей по отношению к хозяевам.

*Ву виялоз, ву виялоз,
Ву кузятї дядек уялоз.
Татчы но лыктэм куноослэн
Кыл кузятїз шербет виялоз*
(Река течет, река течет,
По реке гусь (гуся) плывет (плывут).
У приехавших сюда гостей
По языку **шербет течет**)
[Там же, 505, № 35].

Другая версия значения этого символа может быть связана также со «сладостью» выставленного на столе угощения. И лишь иногда *шербету* (сладкая медовая вода) вторит претенциозный образ «купленных», а потому и более «ценных», угощений:

*Милям юонэ (юонмы) — сахарной вина,
Милям сиёнэ (сиёнмы) — накаиной пиреник...*
(Наше питье — сахарное (сладкое) вино
Наша еда — печатные пряники...)
[Munkácsi 1887, 266, № 158].

Но крестьянскому сердцу более всего мил и близок один постоянный образ угощения — *шыд-нянь* (суп-хлеб). Как видно, речь идет не о замысловатых яствах, а о главном продукте, символе безбедного существования крестьянина — хлебе, постоянном сытном горячем блюде — супе. Естественно, на стол ставили разного рода выпечку (перепечи, табани, блины, пироги с разнообразной начинкой из пресного и кислого теста, шаньги и т.д. [Трофимова 1993]), в отдельных блюдах выставляли мясо, но главным символом угощения в гостевых песнях был именно *тырос шыд-нянь* (много сортов/видов угощений, букв.: много сортов/видов супа-хлеба).

*Жёк вылад тырос шыдэд-нянед,
Вазьёслэсь ёвол, чабейлэсь.
Асьмелэн тазыы сиём-дюэммы
Адямлэсь ёвол <—> Иньмарлэсь*
(На столе твоём много угощений,
Не из полбы, из пшеницы.
Наше с вами дружное застолье (букв.:
еда-питье)

Не от людей — от Бога)
[Munkácsi 1952, 367, № 218].

*Дьёмыш но по́чкын дьёмыш вань,
Пинез долкатїсь сутэр вань.
Шыд-нянь но по́чкын шыд-нянь вань,
Визез но басьтїсь арак вань*
(Среди да плодов-ягод плоды-ягоды есть,
Зубы набивающая оскоминой смородина есть.
Среди угощений (супа-хлеба) угощения есть,
Ум да забирающий арак есть)
[Wichmann 1893, № 226].

*Жеч туганжёс доры лыктэм бере
Жеч шыдэн-нянен пумїськи*
(К доброй родне когда пришел,
С добрым угощением (букв.: супом-хлебом)
встретился)
[Munkácsi 1887, 271, № 167].

*Та сюресжётї ветлыкым,
Куно луимы ми татсы.
Уно но няньдэс ми сиимы:
Ачмес ётеммы та понна*
(Когда по этим дорогам ходил(-и),
Гостями мы стали здесь.
Много да хлеба вашего мы съели:
Нас для этого сюда пригласили)
[Там же, 271, № 168].

*Тау шуиськомы шыдэдлы,
Йыбырттїськомы пыд вылад.
Бёдёно сямен шыр юргаса
Шудэд мед лыктоз пумитад*
(Благодарим за ваше угощение (букв.: ваш суп),
Кланяемся в ноги.
Словно перепелка, необычной дорогой,
Счастье пусть придет тебе навстречу)
[Munkácsi 1952, 369–370, № 228].

*Сюмык пыдэтэс уты́са дюэл:
Дыдык папалэн дьёлыз вань.
Та туган доре тырыса кошкы:
Коняло-дюмало шыдэз вань*
(На дно вашего сосуда глядя, пейте:
Там голубиное молоко есть.
К этой родне обязательно зайд(-те):
Сладкие угощения (букв.: сладкий-сладкий
суп) у них есть)
[Wichmann 1893, 40, № 219].

Под образом «сладкого супа» могло подразумеваться и вино, и еда, а «горький суп» (*курыт шыд*), конечно, обозначал только вино.

Зафиксирована традиция северных удмуртов, когда на первом весеннем празднике Гуждор, согласно ритуальному сценарию, оставшиеся к концу моления напитки сливали в отдельные емкости — берестяные бураки: в один — кумышку, в другой — пиво и брагу, и называли это *мълем / мълем нянь* [Первухин 1888, 38] (букв.: оставшийся хлеб²).

Тождество образов хмельных напитков и еды-хлеба основано, скорее всего, на том, что самогон и пиво изготавливаются из разных зерновых культур (овса, ячменя, ржи). Отдельным метафорическим образом, отражающим наивысшую оценку качества вина, могло быть при этом и «масло зерна» (ср. понятие «сливки» в русской культуре по отношению к высшему качеству продукта).

Жӧк вылад но пуктэм ук дас кык ыштопед

<—>

Дас кык гынэ кабанлэн вӧйёсыз

(На столе твоём выставленные да двенадцать

штофов (содержимое штофов³) <—>

Двенадцати да <хлебных> кабанов (масло)

[Wichmann 1893, 70, № 353].

С символикой напитков и еды в ритуальных гостевых песнях перекликаются устойчивые образы заклинаний-молитв — *куруськон*⁴ ов:

Осто Иньмаре, Козма, Быдӧ-Иньмаре, Кыуӧ-Иньмаре! Жеч шыдӧн-нянен буре ваиськом, Иньмаре. Милемлы сиыны-юыны берекет сӧт! Эшен-дярен, дӧэн-нянен, пудоен-тырлыккен, сурен-аракен, мушен-вӧен жеч улэм сӧт! (Господи Иньмар мой, Козма, Великий Иньмар мой, Кылчинь-Иньмар мой! С добрым супом-хлебом (с добрыми угощениями) тебя вспоминаем, Иньмар мой. Нам есть-пить удачу-урожай дай! С друзьями-родней, с зерном-хлебом, со скотом-довольствием, с пивом-самогоном,

с пчелами-маслом доброй-полной жизни подай-ниспошли!) [Там же, 120, № 1];

Осто Иньмаре, Быдӧ-Иньмаре, Кыуӧ-Иньмаре! Вӧй арняез буре ваиськом. Вӧй кадъ ук улэмдӧ сӧт! Тыр шыдӧн-нянен, сурен-аракен, пыжем-пӧзтӧмен буре ваиськом. Берекет кар! (Осто Иньмар мой, Великий Иньмар мой, Кылчинь-Иньмар мой! Масленичную неделю вспоминаем-празднуем. На масло похожую жизнь нам ниспошли! С полным-светлым-святым супом-хлебом (= угощением), с пивом-вином, с запеченными-сваренными <яствами> вспоминаем (= славу воздаем). Да будет берекет (= благослови урожай-богатство!) [Там же, 123, № 1];

Чӧк! Азяд мед усӧз! Эн куатаськы, кись-тондӧ кариськом! Эшен-дярен, пудоен-тырлыккен, шыдӧн-нянен, ванен-бурен жеч улэм сӧт! (Чэк!⁴ Перед тобой пусть упадет! Не обижайся, поминки по тебе справляем. С друзьями-родней, со скотом-достатком, с супом-хлебом, в богатстве-довольствии хорошей жизни дай!) [Там же, 125, № 9];

Эй, Осто Иньмаре, Козма! Тани туннӧ нуналын Гершыд понна пыжем-пӧзтӧм шыдӧме-няньме вӧсясько! (Эй, Господи Иньмар мой, Козма! Вот, сегодняшним днем, в день <праздника> Гершыд, испеченный-сваренный суп-хлеб (приготовленные яства) освящаю-молю!) [Там же, 127, № 11с].

Древнейший пласт специфической субкультуры ритуального застолья, который восходит к простейшему комплексу понятий «питья» и «еды», соотносен не только с удовлетворением физиологических потребностей — жажды и голода, но представляет собой символ духовного благополучия, благоденствия через обеспечение безбедного существования. По мере усложнения качества жизни эти понятия обогащаются смысловыми оттенками «угощения» и становятся

² Диалектное произношение слова (*м'лем* — по Первухину) со временем, по-видимому, могло утратить первый слог и, превратившись в *лемнянь*, обрести значение «объединенный» хлеб (букв.: «склеенный» хлеб). Нельзя не учитывать еще один аспект термина в форме *лим кумышка / лимвина*, который мог сохранить значение «сильный/крепкий» в определении первача — самого крепкого самогона даже по сравнению с *лек кумышка* (букв.: злая кумышка) [Волкова 2019, 251; Русских 2019, 230].

³ *Штоф* — четырехугольная стеклянная посуда с коротким горлом.

⁴ Междометие, словесная формула-восклицание, которое, согласно верованиям, дублировала акциональный сигнал вызывания душ умерших предков с помощью постукивания обычной палкой или молотком-чекмарем по надмогильному сооружению или дереву у могилы [Владыкина, Глухова 2011, 137–138; см. также: Anisimov 2018].

символами «радости», «удовольствия», «праздника», «пиршества», «общения» с богами, близкими, единокровными людьми-родственниками (ср. рус. «хлеб-соль»). Сохраняя свое краеугольное

значение лишь в ритуале, обыденные *сиён-юон/шыд-нянь* (еда-питие/суп-хлеб) в значении «яства» постепенно утрачивают свои древние мифопоэтические смыслы и практики.

Источники и материалы

Бойкова, Владыкина 1992 — *Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов. Вып. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. (Удмуртский фольклор).

Вершинина, Владыкина 2014 — *Вершинина Е. Б., Владыкина Т. Г.* Песни южных удмуртов. Вып. 3. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2014. 384 с. (Удмуртский фольклор).

Владыкин, Перевозчикова 1990 — *Владыкин В. Е., Перевозчикова Т. Г.* Годовой обрядовый цикл удмуртской общины «бускель» (материалы к народному календарю) // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 44–96.

Нуриева 1995 — *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов. Вып. 1. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 232 с. (Удмуртский фольклор).

Нуриева 2000 — *Нуриева И. М.* Песни завятских удмуртов. Вып. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 332 с. (Удмуртский фольклор).

Первухин 1888 — *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз II: Идолостроенный ритуал древних вотяков по его следам в рассказах стариков и в современных обрядах. Вятка, 1888. 141 с.

Чуракова 1999 — *Чуракова Р. А.* Песни южных удмуртов. Вып. 2. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. 157 с. (Удмуртский фольклор).

Munkácsi 1887 — *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887.

Munkácsi 1952 — *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhard Munkácsi. Herausgegeben von D. R. Fuchs // Mémoires de la Société Finno-ougrienne, 102. Helsingfors, 1952. P. 549.

Wichmann 1893 — *Wichmann Y.* Wotjakische sprachproben. I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893.

Исследования

Владыкина 2019 — *Владыкина Т. Г.* Символика напитков и еды в субкультуре ритуального застолья удмуртов // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья / Сост. и отв. ред. Е. В. Попова. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019. С. 138–147.

Владыкина, Глухова 2011 — *Владыкина Т. Г., Глухова Г. А.* Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. (Удмуртская обрядовая азбука).

Волкова 2019 — *Волкова Л. А.* «Алкогольная традиция» в Глазовском уезде в годы Революции и Гражданской войны // Напитки в куль-

туре народов Урало-Поволжья / Сост. и отв. ред. Е. В. Попова. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019. С. 251–260.

Кабицкая, Кабицкий 2015 — *Кабицкая О. Е., Кабицкий М. Е.* Междисциплинарное изучение пищевых предпочтений // Еда и культура: Сб. ст. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С. 52–58.

Кельмаков 2019 — *Кельмаков В. К.* Происхождение и отражение в удмуртских письменных источниках названий некоторых хмельных напитков: (Размышления лингвиста) // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья / Сост. и отв. ред. Е. В. Попова. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019. С. 122–137.

Нуриева 1999 — *Нуриева И. М.* Музыка в обрядовой культуре завятских удмуртов: Проблемы культурного контекста и традиционного мышления. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999.

Павловская 2015 — *Павловская А. В.* Нужна ли нам наука о еде? // Еда и культура: Сб. ст. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С. 7–42.

Русских 2019 — *Русских Т. Н.* Традиция угощения напитками в коммуникативном пространстве северных удмуртов // Напитки в культуре народов Урало-Поволжья / Сост. и отв. ред. Е. В. Попова. Ижевск: УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2019. С. 227–238.

Терновская, Толстой 1995 — *Терновская О. А., Толстой Н. И.* Братчина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 1: А (Август) — Г (Гусь). / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 256–257.

Традиционное русское застолье 2008 — Традиционное русское застолье: Сб. ст. / Сост. А. В. Костина, Л. Ф. Миронихина. М.: ГРДНТ, 2008.

Трофимова 1989 — *Трофимова Е. Я.* Гостевой этикет удмуртов (к постановке проблемы) // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 18–27.

Трофимова 1991 — *Трофимова Е. Я.* Как сложилась народная кухня удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1991.

Трофимова 1993 — *Трофимова Е. Я.* Праздничная и обрядовая пища // Удмурты: историко-этнографические очерки / Науч. ред. В. В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 154–160.

Чуракова 1990 — *Чуракова Р. А.* О взаимосвязи песенных напевов одной местной

традиции (на примере удмуртской деревни Аравазь-Пельга Кизнерского района) // Специфика жанров удмуртского фольклора. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 127–152.

Anisimov 2018 — Anisimov N. Mälestumisrituaal tšekan nüüdisaegse udmurdi küla etnokultuurisel maastikul // Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat. 2018. № 61. Lk. 116–133.
© Т. Г. Владыкина, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Владыкина Т. Г. <https://orcid.org/0000-0002-6351-2818>

Доктор филологических наук, профессор, Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 426067, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, д. 34; тел.: + 7 (3412) 68-78-44; e-mail: tgvladykina@mail.ru

Food Symbolism in Udmurt Folklore

Tatiana G. Vladykina

(Udmurt Federal Research Center, Uralic Branch of the Russian Academy of Sciences:
34, T. Baramzina str., Izhevsk, 426067, Russian Federation)

Summary. *Udmurt folklore contains rich material on the symbolism of drinks and food. The Udmurt language and ritual traditions have preserved archaic ideas of the magic connection between festival culture and ritual drinks/food (“yuondyr” means both time for a drink and time for a feast). It is significant that the names of holidays that mark important calendar periods in winter (“Vozho-dyr” — winter Yule) and summer solstice (“Invozh” — summer Yule) contain names of an alcohol drink (“sur” — beer): “Tolsur” means winter beer or winter festival; “Kuar-sur” means leaf beer or summer festival. The component “beer,” also meaning “festival,” which under the influence of the Old Believers was substituted for another alcoholic drink (“braga”), is also preserved in the name of autumn youth gatherings in the North of Udmurtia (“nyl-braga” — maiden braga or maiden holiday). Here also the term “shyd sion” (the eating of soup) has been recorded as meaning both ritual feast and a component of the entire ritual complex.*

The symbolism of drinks and food and the idea of the holiday as a sacred phenomenon is most clearly shown in the guest songs that are performed during house-to-house visits by relatives. These are sung to a popular ritual melody and are a way to express the feelings of the ritual’s participants: piety to the gods and gratitude and love for relatives. In ritual guest songs, standard images from incantation-prayers (“kuris’kon”) echo with the symbolism of drinks and food.

The most ancient stratum of images derive from a simple set of terms denoting drink and food (“sion-yuon” and “shyd-nyan” — food-drink and soup-bread) and not only correlates with satisfying of physiological human needs (thirst and hunger), but also symbolizes spiritual well-being. Over time these terms have been enriched with various shades of meaning having to do with “treating” with food and drink and suggest “joy,” “enjoyment,” “festival,” “feast,” and “fellowship” — with the gods, with the near and dear, or with consanguineous relatives (cf. the Russian “bread-salt”).

Key words: *Udmurt festival culture, guest etiquette, feast, drink symbolism, food symbolism, guest songs, incantation-prayers.*

Received: August 6, 2020.

Date of publication: September 25, 2020.

For citation: Vladykina T. G. Food Symbolism in Udmurt Folklore. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 132–140. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.011>

References

Anisimov N. (2018) Mälestumisrituaal tšekan nüüdisaegse udmurdi küla etnokultuurisel maastikul [The Ritual of Remembrance in the Ethnocultural Landscape of the Modern Udmurt Village].

Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat [Yearbook of the Estonian National Museum]. 2018. No. 61. Pp. 116–133. In Estonian.

Churakova R. A. (1990) O vzaimosvyazi pesennykh napevov odnoi mestnoi traditsii (na primere

udmurtsoi derevni Aravaz'-Pelga Kiznerskogo raiona) [About the Interrelation of Song Tunes of One Local Tradition (The Example of the Udmurt Village Aravaz-Pelga, Kizner District)]. In: Spetsifika zhanrov udmurtского fol'klora [Specificity of Genres of Udmurt Folklore]. Izhevsk: UIIYaL UrO AN SSSR. Pp. 127–152. In Russian.

Kabitskaya O. E., Kabitskii M. E. (2015) Mezhdistsiplinarnoe izuchenie pishchevykh predpochtenii [The Interdisciplinary Study of Food Preferences]. In: Eda i kul'tura [Food and Culture]. Moscow: Tsentr po izucheniyu vzaimodeistviya kul'tur. Pp. 52–58. In Russian.

Kelmakov V. K. (2019) Proiskhozhdenie i otrazhenie v udmurtkskikh pis'mennykh istochnikakh nazvaniy nekotorykh khmel'nykh napitkov (Razmyshleniya lingvista) [The Origins and Reflection in Udmurt Written Sources of the Names of Several Intoxicating Drinks (A Linguist's Reflections)]. In: Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya [Drinks in the Culture of the Peoples of the Ural-Volga Region]. Ed. by E. V. Popova. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UdmFITs UrO RAN. Pp. 122–137. In Russian.

Kostina A. V., Mironikhina L. F. (ed.) (2008) Traditsionnoe russkoe zasto'e [The Traditional Russian Feast]. Moscow: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora. In Russian.

Nurieva I. M. (1999) Muzyka v obryadovoi kul'ture zavyatskikh udmurtov: Problemy kul'turnogo konteksta i traditsionnogo myshleniya [Music in the Ritual Culture of the Eastern Udmurts: Problems of Cultural Context and Traditional Thinking]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. In Russian.

Pavlovskaya A. V. (2015) Nuzhna li nam nauka o ede? [Do We Need Science of Food?]. In: Eda i kul'tura [Food and culture]. Moscow: Tsentr po izucheniyu vzaimodeistviya kul'tur. Pp. 7–42. In Russian.

Russkikh T. N. (2019) Traditsiya ugoshcheniya napitkami v kommunikativnom prostranstve severnykh udmurtov [The Tradition of Serving Drinks in the Communication Space of the Northern Udmurts]. In: Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya [Drinks in the Culture of the Peoples of the Ural-Volga Region]. Ed. by E. V. Popova. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UdmFITs UrO RAN. Pp. 227–238. In Russian.

Ternovskaya O. A., Tolstoi N. I. (1995) Bratchina [Bratchina (a type of feast)]. In: Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheski slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. In 5 vol. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Pp. 256–257. In Russian.

Trofimova E. Ya. (1989) Gostevoi etiket udmurtov (k postanovke problemy) [The Guest Etiquette of the Udmurts (Toward Posing the Problem)]. In: Fol'klor i etnografiya udmurtov: obryady, obychai, pover'ya [Folklore and Ethnography of the Udmurts: Rites, Customs, Beliefs]. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO AN SSSR. Pp. 18–27. In Russian.

Trofimova E. Ya. (1991) Kak slozhlilas' narodnaya kukhnya udmurtov [How the Udmurt Folk Cuisine Developed]. Izhevsk: Udmurtiya. In Russian.

Trofimova E. Ya. (1993) Prazdnichnaya i obryadovaya pishcha [Festive and Ceremonial Food]. In: Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki [The Udmurts: Historical and Ethnographic Essays]. Ed. by V. V. Pimenov. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN. Pp. 154–160. In Russian.

Vladykina T. G. (2019) Simvolika napitkov i edy v subkul'ture ritual'nogo zasto'ya udmurtov [The Symbolism of Drinks and Food in the Subculture of the Udmurt Ritual Feast]. In: Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya [Drinks in the Culture of the Peoples of the Ural-Volga Region]. Ed. by E. V. Popova. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UdmFITs UrO RAN. Pp. 138–147. In Russian.

Vladykina T. G., Glukhova G. A. (2011) Ar-god-bergan: obryady i prazdniki udmurtского kalendarya [Ar-god-bergan: Rituals and Feasts in the Udmurt Calendar]. Izhevsk: Udmurtskii un-t. In Russian.

Volkova L. A. (2019) "Alkogol'naya traditsiya" v Glazovskom uезде v gody Revolyutsii i Grazhdanskoi voyny [The "Alcoholic Tradition" in the Glazovskii District During the Revolution and Civil War]. In: Napitki v kul'ture narodov Uralo-Povolzh'ya [Drinks in the Culture of the Peoples of the Ural-Volga Region]. Ed. by E. V. Popova. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UdmFITs UrO RAN. Pp. 251–260. In Russian.

© T. G. Vladykina, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana G. Vladykina <https://orcid.org/0000-0002-6351-2818>

E-mail: tgvladykina@mail.ru

Tel.: +7 (3412) 68-78-44

34, T. Baramzina str., Izhevsk, 426067, Russian Federation

DSc in Philology, Professor, Udmurt Federal Research Center, Uralic Branch of the Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)